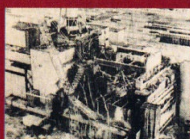

Anatol Barowski
Liselotte Pottetz

Чёрный аист -
Белая тень

Отпечаток

Liselotte Pottetz, Anatol Barowski

Чёрный аист - Белая тень

К 30-летию «чёрной даты» - катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции

ISBN 978-3-95655-751-4 (E-Book)

Обложка: maxglauer

версия для печати: 2016 „Mirwal ART“, Walbrzych.

© 2016 EDITION digital®

Pekrul & Sohn GbR

Godern

Alte Dorfstraße 2 b

19065 Pinnow

Tel.: 03860-505 788

E-Mail: verlag@edition-digital.de

Internet: <http://www.edition-digital.de>

Anatol Barowski Liselotte Pottetz

Часть первая: Подставляли сердца радиации

Айва и Ай

Ещё тогда, когда аисты находились далеко-далеко от этих мест - за тысячи километров, - когда еще только собирались, потом и отправились в далёкую и трудную дорогу из Северной Африки, - молодая аистиха Айва почувствовала какую-то непонятную тревогу...

Такого с ней еще не было, чтобы в самом начале пути закрадывалось непонятное сомнение, заставляло задуматься над завтрашним днём.

Но чем далее она отлетала вместе с Аем от тёплых берегов Африки в сторону далёкого Полесья, тем глубже и настойчивее подкатывалось к ней горькое сожаление, - а, может, и не следовало отправляться им в эту дорогу, не нужно было рисковать жизнью... Но извечный инстинкт возвращения в родные места побеждал и придавал крыльям крепость и силу.

Тогда уже успокоительные мысли приходили к ней - там же родное гнездо, где когда-то выросла у родителей она, где с Аем они народили несколько поколений и народят вновь... Так из года в год, от столетия к столетию...

Молча взмахивая крыльями, вместе с другими аистами держали курс на далёкую Беларусь, в тихое и тёплое Полесье... Нежный и тёплый воздух подымал их выше и выше, и от этого нужно реже махать крыльями, появлялась возможность беречь силы, чтобы их хватило на долгий путь и перелёт.

Айва смотрела на голубизну морской воды, на зеленые островки, поля, но материнское сердце опять и опять пронизывало горькое предупреждение-предчувствие - нет, не будет в этом году счастья детям, потому что оно изменило им, отвернулось от них. И уже в пятый, и десятый раз хотела предложить Аю повернуть и полететь назад. Вернуться в африканский рай, прожить там свои оставшиеся дни и годы...

Не сказала, а Ай не услышал ее тревожного возгласа. А хотя бы и услышал, то не согласился бы с нею, - запретил бы и вовсе думать о таком...

И тот же инстинкт всё сильнее и сильнее гнал, подталкивал их туда, к

полесской деревушке Кожушки, где рядом с кладбищем, на желтой песчаной горке, вытянулась в небо стройная медностволая сосна. На ней добрые сельчане когда-то и построили им жилище - затащили старую борону на вершину и накидали на нее ветвей...

Это уже потом родители Айвы привели в порядок гнездо, выстелили мягким пухом дно, чтобы было удобно будущим детям.

Когда Айва соединилась с Аем, и они обосновались в том же гнезде, то сначала слетали на высохшее болото, натаскали мху, выслали им всё гнездо. И, закончив работу, задрали в небо клювы и оповестили своим трескотом о своём существовании, тем самым, высказывая людям свою благодарность...

Ай летел первым. Его единодушно избрали вожаком стаи. Этим выбором очень гордилась Айва. Потому что она любила его, верила в него, не представляла жизни без него. Она летела сзади вожака, - на левом крыле треугольника, - знала, каково ему, первому, разрезать грудью воздух. Но знала еще, что он владеет мощной силой, что он за все время перелёта не попросит кого-нибудь подменить его...

«Ты как, Айва? - послал мысленно ей вопрос Ай. - Не устала ли, достаточно ли сил лететь дальше?..»

«Мне хорошо, мой дорогой и любимый Ай, - отвечает аистиха и радуется такой заботе с его стороны, - ты же весь груз взял на себя, взвалил на свои плечи, а нам легче за тобой махать крыльями...»

«Как остальные?»

«И остальные тоже - следуют твоим путём и гордятся твоей поддержкой...»

«От тебя исходит тревога и грусть - с чего бы это, моя родная?»

«Не обращай внимания, это женская тревога, мать всегда думает о завтрашнем дне с тревогой... Ноу меня есть ты, и потому я ничего не боюсь...»

«И правильно. Всё будет хорошо, не волнуйся. Думай только о хорошем, думай о том, что нас ожидает полесская земля, богатая целительным воздухом и добычей... Нигде в мире нет такого прекрасного места, которое нам послал Бог... Хорошо еще, что не все болота осушили, так что прокормимся и детей своих на крылья поставим...»

Уже три года прилетают они с Аем на свое место.

Оно, место, - гнездо - снилось им там, в далёкой стране, звало к себе, притягивало, влекло...

С большой радостью и волнением они каждую весну возвращались на родину. Она несла, и потом сидела на яйцах, терпеливо ожидая, когда в скорлупу яйца стукнет клювиком ребенок; сидела, когда с неба обрушивался на нее град, и крупные льдинки били больно по голове; терпела, когда серо-свинцовые тучи посылали на землю проливной дождь; сидела, когда начинал злиться и бушевать разъярённый ветер, и готов был сбросить их вместе с гнездом на землю...

Но и Аю было не легче. Он перелетал от болота к болоту, носился от канавы к канаве, - выискивал зорким взглядом поживу, долгим клювом вылавливал из густых зарослей травы лягушек и ужей, гадюк и мышей, - и быстро мчался назад к ней в гнездо, заботливо-нежно кормил супругу... Он видел, как она слабела, выбивалась из сил...

Терпела, держалась, надеялась, что выдюжит... Больше месяца сидела в гнезде, высиживая пять яиц...

И ее настойчивое терпение вознаграждалось - из яиц начали вылупливаться птенцы. Какую они тогда испытали радость, не передать.

Аистята сразу же начинали просить есть - раскрывали свои черные клювы, кричали, горланили... От этого Ай еще с большим желанием и радостью носил добычу для них.

Айва полетела на болото только через неделю - когда к ней вернулись силы. Без усталости приносили и приносили птенцам ящериц и лягушек, ужей и мышей...

Еды было достаточно.

Те счастливые дни и вспоминали они, держа курс на родное гнездо, и те воспоминания давали силу, подкрепляли их в воздухе.

А вон, кажется, уже и родная Припять. Над ней видны высокие трубы, из которых почему-то не идёт дым, а вон и болото, и поле, и - наконец - высокая сосна с их гнездом... Нет, никто не опередил их, никто не позарился на их жилище...

Прилетели, может, немного и рано - еще в низинах, где пряталась тень, лежал ещё серый, ноздреватый снег. Но уже старательно пригревало

солнце, вот-вот должны ожить низины и зажурчать ручьи, - голодными не будут...

Подняли к небу клювы, своим радостным трескотом известили о своем прибытии.

И их услышали кожушковцы, обрадовались, глядя в их сторону:

- Ну, вот и прилетели наши вестники весны! Спасибо, Господи! Значит, скоро и сеять будем...

Радость аистов единения с природой и с родной землёй передалась и людям, - в сердце каждого родилась теплота, щемящее чувство прихода весны, - тёплых и счастливых дней.

На первом году, когда они спаровались-поженились, на земле, под гнездом, в песке, копались детишки - мальчуган и девочка.

Олеся, услышав, как затрещали аисты своими долгими и красными клювами, залюбовалась красивыми и умными птицами, сказала своему другу Андрею:

- А я им, аистам, и имена придумала.

Мальчуган оторвался от копания в песке, посмотрел на подругу:

- И какие же?

Олеся поднялась с колен, выпрямилась, посмотрела на аистов:

- Хозяина звать Ай, а его жена - Айва.

Андрей внимательно посмотрел на жителей гнезда, согласился:

- Хорошие имена, Олеся...

Дети опять сели на песок, продолжали строить крепости и домики, «печь пироги»... А потом пришла к ним одновременно мысль - вылепить аистов. У него получился Ай, а Олеся вылепила Айву...

- Андрей, а сколько живут аисты?

- Отец говорил, что больше, чем тридцать лет...

- А сколько мы будем жить?

- Не знаю... Но мы проживем с тобой долгую и счастливую жизнь.

- Почему - долгую?

- Потому, что мы будем жить с тобою вместе, как и они - Айва и Ай. И

через много лет мы придем к этой сосне, к этому гнезду...

Видно было, что мальчуган признавался ей в чём-то важном, что исходило из его души. Только неизвестно, поняла она его или нет, но сморщила лоб, задумалась над его словами. Поняла только, что Андрей сказал ей что-то интимное и очень важное, что-то тайное и светлое, и что сказанные слова она должна взвесить, обдумать, - и только после этого дать ответ...

Потом они не раз приходили к сосне - приносили аистам еду, звали уже их новыми именами.

Имена Айве понравились. Как и ему, Аю.

Они уже начали откликаться, когда их звали дети - задирали клювы в небо, закрывали глаза и приветствовали их радостным клёкотом...

Этой весной дети к ним почему-то не пришли, отчего очень расстроилась аистиха. Опять какое-то непонятное сожаление подкатилось к ней, но она и на сей раз постаралась успокоить себя тем, что Андрей и Олеся не знали, что они уже прилетели, а, может, были заняты своими детскими заботами...

Айва не признавалась Аю в своей подспудной тревоге, но заметила: чем больше делались теплыми дни и ласковым становилось солнце, тем больше у нее сжималось-разрывалось сердце от неимоверной боли. Как и тогда, в прошлом году, когда она выбрасывала из гнезда только что рождённых птенцов - из пятерых сбросила на землю трое. Жалела, плакала, но выбрасывала, ибо знала и уверена была, что не долетят трое до тёплых берегов - погибнут в дороге...

К сосне тогда приходили мальчик и его подруга, держали на руках ещё живых аистёнок, смотрели на гнездо, задрав головы, и никак не могли понять жестокость Ая и Айвы...

Олеся плакала, держа длинноклювую птицу на руках, прижимала ее к себе. Плакала Айва, плакала оттого, что не могла объяснить девчужке, будущей матери, почему она так бессердечно поступила по отношению к своим детям...

Не понимала своего состояния Айва. Молчала и смотрела вокруг, как будто что искала в окрестности.

Хмурый и молчаливым был и Ай. Он, наверное, также начал чувствовать что-то, - зажмурив глаза, воткнул клюв под крыло, стоял на

одной ноге: грусть и горечь исходили от него...

В ту ночь они не находили себе места. Нужно было спать, отдыхать, набираться сил после долгого перелета, но они никак не могли избавиться от возбужденности и тревоги. Уже поползли на земле темные тени, на небе разрастались тревожные облака. Как будто собирался пойти большой дождь. А они не могли усидеть в своем жилище...

Их как будто бы кто-то выталкивал из гнезда, как и Айва в прошлом году своих аистят, - приказывал оставить гнездо, взлететь в небо...

Среди ночи, сразу же после первого часа, Айва вскрикнула и прислонилась к Аю. Обвила его шею, как будто хотела спрятаться, и его уберечь от чего-то страшного и злого... И он почувствовал ее страх, сам налился им; и не догадывались даже, что делалось с ними, - они не чувствовали беды, а только предчувствовали ее... С каждым мгновением всё больше и больше...

«В 1 час 23 минуты 40 секунд начальник смены блока Александр Акимов нажал кнопку аварийной защиты, по сигналу которой в активную зону вошли все регулирующие стержни, которые находились наверху, а также стержни личной аварийной защиты...

*Но перед этим в зону зашли те роковые концевые участки стержней, которые дают нарастание реактивности в **половину беты**... И они вошли в реактор именно в тот момент, когда там началось мощное преобразование...*

Тот же эффект дал рост температуры активной зоны. Соединились в одно три неблагоприятных для активной зоны фактора...

Эти проклятые 0,5 В и явились той последней каплей, которая переполнила сосуд терпения реактора...»

Казалось, аистиху только-только обволокла слабая дрема, как неожиданно на них налетела огромная невидимая волна, ударила своей мощной силой, - и сбросила их с гнезда...

Уже возле самой земли Айва успела раскрыть крылья, но было поздно - ударилась крепко оземь. Поранила ногу и крыло, больно ударившись о сухой выпуклый корень... От боли зажмурилась, задрожала. Не знала, где находился Ай, - как и не знала, живой ли...

Угрожающе завывая, поднялась метель. Подтолкнутое какой-то неизвестной и страшной силой, поднялось вверх всё, что ранее лежало на земле и не подчинялось никаким ветрам и бурям. И уже ничего нельзя было увидеть вокруг, как ни напрягай зрение... В воздухе кружились облака из песка и мусора, ветвей и листья, чёрной земли и даже камней. То, что никогда не летало, носилось легко в воздухе, кружилось, и неизвестно, падало ли вообще...

Не видели аисты, что неизвестная сила сорвала их гнездо с сосны, подняла в небо, а потом забросила куда-то далеко за черные облака...

Чудом только устояла сосна: как будто знала, что встретит такое, и потому глубоко пустила свои корни в землю.

Аист прикрыл крылом аистиху, прижал ее к земле. Не разрешил подняться и взлететь, потому что теперь был убежден и сам, что им угрожала смерть...

И Айва была благодарна ему за его мудрое решение. Они оба почувствовали, как рождался стон земли, как ужаснулось от страха небо, как проснулся там, на юге, возле тех высоких труб, внутри строения, страшный монстр, которого никому не под силу укротить - ни человеку, ни даже Всевышнему...

Аистиха сквозь пыльную завесу и слёзы заметила, что у Ая через всю белую грудь прочерчена широкая - от крыла до крыла - кровавая рана. Он опустил на рану красный клюв, - и от этого соединение выглядело кровавым крестом. Получился бело-красно-белый узор, - символ той страны, на которую обрушилась страшная беда...

Монстр устрашающе расправлял свои крылья, раскрывал ненасытную пасть, угрожающе выбрасывал-выдыхал из себя яд и смерть, могущественной рукой щедро разбрасывая свой смертоносный пепел по земле...

И из этого апокалипсиса - с живых красно-чёрных облаков - вырисовывались-оживали кони и их всадники, звезды и ангелы, обиженные солнце и месяц, день и ночь, жизнь и смерть, надежда и упование...

«И первый ангел вострубил: и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и были брошены на землю; и треть земли сгорела, и треть

деревьев сгорела, и всякая трава зелёная сгорела.

И второй ангел вострубил: и словно великая гора, огнём горящая, была брошена в море, и сделалась треть моря кровью, и умерла треть тварей в море, имеющих душу, и треть судов погибла...

И третий ангел вострубил: и упала с неба великая звезда, горящая как светоч, и упала на треть рек и на источники вод. И имя этой звезды - Полынь; и сделалась треть вод полынью; и многие из людей умерли от вод, потому что воды стали горьки.

И четвёртый ангел вострубил: и поражена была треть солнца и треть луны и треть звёзд с тем, чтобы треть их померкла, и день потерял бы на треть свой свет, и ночь также.

И пятый ангел вострубил, и я увидел звезду, упавшую с неба на землю, и дан был ей ключ от колодца бездны. И она отворила колодец бездны; и поднялся дым из колодца, словно дым из великой печи, и помырчнело было солнце и воздух дымом из колодца...

...И так я увидел коней в видении и сидящих на них всадников, имеющих брони огненные и гиацинтовые и серные; и головы коней словно головы львов, и из пасти их выходит огонь и дым и сера.

Этими тремя язвами была убита треть людей: огнём и дымом и серой, выходящей из этих пастей.

Ибо власть коней - в пасти их и хвостах их: ибо хвосты их подобны змеям, имея головы, и ими они причиняют вред...

(Откровение Иоанна Богослова, 8(7-12), 9 (1-2,17-19))

«Боже, как же всё это сможет выдержать земля и человек?! - подумала с болью в сердце Айва, прислоняясь к Аю, чувствуя, как он дрожит всем телом, стараясь укутать её ещё больше, спасти от неизвестной, но страшной беды. - Страшная, очень страшная беда и горе обрушились на всё живое...»

«Успокойся, - просил-говорил Ай, - тебе нельзя волноваться, ибо впереди у нас тяжёлые дни, и тебе нужно много сил, чтобы выдержать всё, победить черное нашествие... Ради наших будущих детей выдержать...»

«А будут ли они ещё, те дни? - с горечью спросила она, закрывая глаза - ядовитая пыль выедала их, забивалась в горло, на языке горько и солёно. - Будут ли, мой дорогой Ай? Меня подтачивало предчувствие этого неизвестного горя еще там, в жарком раю, но я не признавалась тебе в этом...»

«То же предчувствовал и я... Только не говорил тебе... Потому что, приняв решение остаться там, мы погибли бы в том краю... Уж лучше умереть на родине...»

«Спасибо тебе, Ай, ты у меня мудрый и добрый...»

...Примерно **пятьдесят тонн ядерного топлива и около восьмисот** тонн реакторного графита (всего загрузка графита составляет **тысячу семьсот тонн**) остались в шахте реактора, образовав воронку, которая напоминала кратер вулкана.

(Графит, который остался в реакторе, в следующие дни полностью выгорел.)

Частично ядерный мусор-песок через образовавшиеся щели посыпался вниз, в подреакторное пространство, на пол, потому что нижние водяные коммуникации были оторваны взрывом...

Чтобы оценить точнее масштабы радиоактивного выброса, вспомним, что атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, весила **четыре с половиной тонны** - вес радиоактивных веществ, образовавшихся от взрыва, составил также **четыре с половиной тонны...**

А реактор же четвертого энергоблока Чернобыльской атомной электростанции выбросил в атмосферу ПЯТЬДЕСЯТ ТОНН (50 !) выпаренного топлива, образовал колоссальный атмосферный резервуар долгоживущих радионуклидов (именно **ДЕСЯТЬ ХИРО-СИМОВСКИХ БОМБ** без первичных факторов поражения - плюс семьдесят тонн (70 !) топлива и около семисот (700 !) тонн радиоактивного реакторного графита, который осел в районе аварийного энергоблока...

...Их засыпало мусором и пылью с головой. Они не двигались, не уходили со своего места, чувствовали и знали: вместе с камнями и их подбросит неизвестная сила вверх. И тогда они уже совсем обломают

свои крылья, сопротивляясь стихии...

Стихло всё только под утро.

Когда они освободились из своего плена, то не узнали друг друга - оба стали черными от пепла, который прилетел к ним от реактора ЧАЭС - Чернобыльской атомной электростанции...

Пепел въелся в перья, и его невозможно было ничем отмыть. Да и, в довершение ко всему, - оба ослепли.

Ничего уже не видели перед собой, не знали даже, с какой стороны собиралось вставать солнце... Не могли оторваться от земли, чтобы залететь на гнездо - не было сил. Не знали, что и возвращаться им уже некуда, что стали беспризорными, что им надо переселяться. Они теперь принадлежали к новой категории жителей - как людей, так и всего живого, - **к переселенцам, к беженцам...**

Так и стояли под сосной, около человеческого кладбища, засунув один одному клювы под крылья... Стояли, словно неживые, - без радости и желаний, без мыслей и - без родного дома...

Владимир Грабцевич, инженер производственно-технического отдела Речицких электросетей, на работу приходил всегда рано - около семи часов.

Валентина еще спала - легла поздно, на кухне долго возилась. Ирина с Еленой тоже спали.

Ночью его разбудил шальной ветер - открыл двери балкона, и они громко ударились о стену, треснуло, разлетевшись в разные стороны, стекло.

Пришлось встать, собрать осколки, отнести в ведро для мусора.

Проснулись, напугавшись, все остальные. Он успокоил их, отправил спать.

После этого долго не мог заснуть...

По дороге, когда шёл мимо пивзавода, бросилось в глаза, что вся дорога покрыта непонятной розово-желтой пылью, - раньше никогда такого не наблюдалось. Даже туман перед глазами стоял розовый.

«Опять керамический завод ночью выбросил свои отходы, -

подумалось почему-то, но большого значения этому факту не придал, только заспешил сразу же на работу. - И куда только санитарная станция смотрит?»

В пути он всегда обдумывал план своих действий на день. И теперь знал, что сразу же, как придёт на рабочее место, сядет за телефон и обзвонит всех начальников районных электросетей, поинтересуется, как у них дела, нет ли аварий или других происшествий... После этого он точно будет знать, как планировать свой день дальше.

Рамонюк в Лоеве, как всегда, был на месте.

- Доброе утро! Как там у тебя дела?

- Утро доброе! В норме. Происшествий нет...

- Спасибо! Успехов в работе! До встречи!

Позвонил другим - тоже всё спокойно.

Отключений сети не было, объекты для капитального ремонта были определены и сданы...

Еще один звонок - в сельские РЭСы (районные электросети).

Анатолий Давыденко также был спокоен, пошутил даже, что дни стоят прекрасные, а он прикован к стулу...

- План капитального строительства выполнил?

- А куда же он денется тот план, конечно же, выполнил. Объект из капитального ремонта готов для предъявления и проверки.

- Хорошо! Успехов, Анатолий!

День прошел, как обычно, - никаких тревог, никаких сообщений - ни по радио, ни по телевидению.

По радио - весёлые мелодии, по телевидению - футбол и песни. То белорусские, то украинские. Как будто бы не было никаких проблем, и только песнями и танцами можно было славить счастливую коммунистическую жизнь.

И день, и два, и три, и четыре, и пять - никто ни о чем не знал, не догадывался, не предчувствовал...

На табло счётчика мажорного времени выскакивали те же мажорные цифры, что и до этого, - одного и того же спокойного обманчивого цвета.

Никто не знал, что несколько дней назад началась совершенно новая, другая эпоха и эра, - **эра неподчинения атома человеку...**

Первого мая Владимира Грабцевича назначили дежурным на своём предприятии. Во всех, как и до этого, каждый год, было праздничное и весёлое настроение. Был выделен автобус для проведения первомайской демонстрации. Дети со всех школ, празднично одетые, должны были пройти перед трибуной на площади, чтобы продемонстрировать партийному и комсомольскому аппарату района свою приверженность и любовь к коммунистической партии, которая проявляла и проявляет огромную заботу о людях Советского Союза, о людях всех братских республик...

Собирались на площадь Иринка и Елена.

На диспетчерскую пришли рабочие, наперебой заговорили, что слышали по зарубежной радиостанции - из Германии и Америки, и по «Свободе» из Праги, что будто бы в городе украинских энергетиков несколько дней тому назад произошла крупнейшая катастрофа, о которой почему-то умалчивают руководители партии и правительства...

- Сам слышал? - добивался правды Владимир у того, кто принёс такую весть, не веря в то, что такое могло произойти, - давно бы уже сообщили об этом, предупредили бы, если что случилось страшное, пояснили бы...

- Сам, побожиться готов. Советовали даже нам - специально для нас, белорусов и украинцев, и тот, кто живет недалеко от Чернобыля, чтобы пили йод, размешанный с водой...

- Йод пить? Чепуха какая-то... Очередная провокация с Запада. Ну и капиталисты, так и хочется им подорвать основы нашего советского образа жизни.

Рабочий обиделся за недоверие к его словам, махнул на него рукой, пошел к своему рабочему месту, сказал только:

- Ну, как ты хочешь, Владимир. Но сказали ещё, что какие-то вредные лучи радиации разнеслись по всей Европе, до Германии и Швеции долетели, накрыли всю Беларусь, может и до Москвы дастали...

- Чёрт знает, что...

Разговор всё же оставил в душе тревожный след, но больше всего непонятную тревогу... Тогда же возник и другой вопрос - где можно убедиться в словах рабочего? Или опровергнуть его слова. Очень не